

КРУПНЫЙ прозаик — всегда желанный гость в театре. Но чаще всего — только гость. Он не приносит в театр оригинальную пьесу. Театр с помощью человека, более или менее поднаторевшего в этих делах, инсценирует полюбившийся читателю роман. Урон при этом в передаче богатства жизненного содержания произведения, его художественного своеобразие не избежать. Вопреки предупреждению великого мастера сцены Вл. И. Немировича-Данченко: инсценирование больших литературных полотен — дело для всякого театра рискованное и только в исключительных случаях заслуживающее одобрения, — театры сегодня предпочитают именно эту форму содружества с мастерами прозы.

Между тем в традициях советского театра — и иная форма содружества. Вспомним, что и Л. Леонов, и В. Катаев, и Вс. Иванов, и М. Булгаков пришли в драматургию из прозы благодаря инициативе и настойчивости Московского Художественного театра. Однако театр не инсценировал их прозу, а побудил писателей к созданию для начала на ее основе — оригинальных драматических произведений. Так, кстати, складывались взаимоотношения Л. Леонова и с Театром имени Евг. Вахтангова, и с Малым театром.

Спору нет, эта форма содружества театра с большой литературой — хлопотная и трудная. Инсценировать роман или повесть куда легче, проще, доступнее. Благо охотников заниматься этим делом более чем достаточно. И, к сожалению, далеко не у каждого театра, режиссера находится внутренняя потребность возбудить в прозаике желание писать для театра, взбудоражить его воображение новыми творческими перспективами и задачами. Далеко не у каждого хватает терпения и выдержки в работе с известным мастером прозы, но начинающим драматургом, такта и упорства, позволяющих довести эту работу до логического конца.

В этом смысле поучителен опыт Вологодского областного театра драмы. Здесь стали «своими людьми в доме» известные прозаики В. Астафьев и В. Белов, поэтесса О. Фокина, молодой литератор А. Грязев. Именно Вологодскому театру принадлежит честь открытия Виктора Астафьева как драматурга, хоть премьера «Черемухи» и состоялась в Москве, в Театре имени М. Н. Ермоловой, на несколько месяцев раньше, чем в Вологде. «Черемухой» заинтересовался именно главный режиссер Вологодского театра, в недавнем прошлом ведущий актер Московского Художественного театра Л. Толчий. Именно он и привез пьесу в Москву.

Содружество Ольги Фокиной с театром началось с песни, которую она написала к спектаклю «Черемуха». Чудесной, поэтической песни, как-бы вобравшей в себя все скупое цветение родной вологодской земли, острые запахи ее трав, за душу берущие голоса лесов... Вспоминую характер ге-

роини этого спектакля Нади, созданный молодой актрисой Л. Филипповой, такой неброский, незатейливый внешне, однако упорный, на редкость стойкий — ни сломать, ни согнуть, и на ум приходят слова песни, открывающей спектакль:

Цвету не ало-розово.
Цвету беломорозово,
И ягода не лакома,
Понравится не всякому.

Наполовину мягкая,
А на другую твердая,
Наполовину сладкая,
А на другую горькая.

Теперь театр ждет от О. Фокиной пьесу. Конечно, предсказать, как скоро появится эта пьеса на вологодской афише, трудно. Но то, что талантливая поэтесса, так тонко чувствующая родную землю, ее людей, все глубже и естественнее входит в круг интересов и забот театра, несомненно. В свои приезды в Вологду я неизменно встречал ее в театре. Говорила она, правда, мало, но чувствовалось: будто впитывает она в себя театр,

рвать друг другу, друг за друга нести ответственность.

Премьера намечена на осень. Пока сыграли лишь один спектакль, и оценивать те или иные актерские работы рано. Но о трех из них я не могу не сказать. Это Секлетинья, кажется, выхваченная М. Щуко из самой окружающей действительности. Приезжая в Вологду, невольно прислушиваясь к местному говору — протяжному, чуточку распевному... Вот так говорит и Секлетинья — Щуко. Именно через мелодику речи раскрывает актриса этот характер, неподдельно народный, исполненный и лукавства, и юмора, и доброжелательности к людям. Качество народности отличает и образы Кости — А. Сережкин и особенно Ивана Степановича — А. Семенов. Та незатаманенность взгляда, которым смотрят эти люди на мир, рожденная их непреложной убежденностью в том, что добра в жизни неизмеримо больше, чем зла, и что правда — она в кон-

обиженного плохим человеком.

Вот в этом направлении сейчас и думают, ищут театр и автор: как, не погрешив против действительности, в которой порой еще встречаются люди не только хорошие, но и плохие, показать, что действительность наша, общество наше справедливы, но вовсе не враждебны к людям типа Кости и Ивана Степановича? Как донести до зрителей, что вера Кости и Ивана Степановича в торжество добра и правды непоколебима, имеет своим основанием наши самые главные нравственные принципы?

Есть в пьесе люди, поначалу ошибающиеся, как будущая журналистка Тоня, не сумевшая сразу разобраться в душах Кости и Ивана Степановича, в их взаимоотношениях и только позднее рассматривая их нравственную красоту. Еще глубже заблуждение Бориса, следователя, молодого человека, честного, бескомпромиссного, но узко смотрящего на мир и людей. И есть в пьесе человек вовсе плохой — корреспондент областной газеты. Шкурник, трус, карьерист. И можно будет только порадоваться, если писатель и театр совместно найдут решение, когда справедливость и правда будут в отношении Кости торжествовать не по воле этого корреспондента, а скорее всего, по воле секретаря райкома партии, человека умного, смелого, решительного, подлинного гуманиста... И не могу здесь не сказать добрых слов об актере В. Павлове, создавшем в этой роли образ глубокий и масштабный.

Итак, поиск продолжается. Даже если сопоставить между собой генеральную репетицию, виденную мной, и первый спектакль со зрителем, то разницу ощутить серьезную. Скажем, сцена заседания народного суда, на котором слушается дело Кости, второй раз шла гораздо мягче, без ненужных «плюсиков» и переживков. И сержант милиции (И. Черников) уже по-иному задерживал Ивана Степановича, без грубости и резкости. Обсуждение генеральной репетиции, в котором приняли участие партийные и советские работники, писатели, не прошло даром: театр не отмахнулся от замечаний, а постарался разобраться в них, частый из них шлеп возможным сразу же реализовать...

Так называемых местных пьес попросту не существует. Пьеса, получившая сценическую жизнь лишь в одном театре, не станет явлением искусства. Не столь уж важно, где родилась пьеса — в Москве или Омске, Свердловске или Вологде, гораздо важнее, что она получила повсеместное распространение, идет во многих театрах страны, а может быть, и за ее рубежами. Есть все основания надеяться, что вслед за осенней премьерой вологодской пьесы «Районные сцены» увидят зрители и других городов.

Несомненно, что опыт содружества Вологодского театра с писателями-вологодцами по-своему примечателен. Да, здесь на редкость сильная писательская организация! Но ведь и в других городах страны живет и работает немало крупных мастеров литературы. Следует только всегда помнить о том, что пьеса рождается в театре. В театре получает путевку в большую сценическую жизнь. И в первую очередь следует помнить об этом самим театрам и их руководителям.

ВОЛОГДА — МОСКВА

Юрий ЗУБКОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

ПИСАТЕЛЬ И ТЕАТР

его запахи, и ей по-особому близка и дорога самоотверженная преданность людей театра искусству...

После драмы «Над светлой водой», поставленной Вологодским театром четыре сезона назад, Василий Белов принес сюда свою новую пьесу — «Районные сцены». Совместная работа писателя и театра над ней ведется около двух лет. Кстати, достаточно сравнить пьесу «Над светлой водой», опубликованную журналом «Наш современник», с ее сценическим вариантом, чтобы оценить ту помощь, которую оказал театр автору в более полном и точном выявлении авторского замысла, освобождении произведения от некоторых элементов мелодраматизма, сентимента. Вероятно, и в редакции журнала работали с автором, и работа эта шла пьесе на пользу. Но ни с чем не сравнима для драматурга польза, которую способны оказать ему театр, режиссура будущего спектакля, актеры, дающие образам, начертанным авторской рукой на бумаге, живую плоть и кровь. Поистине пьеса в окончательном своем виде рождается в театре!.. Вот и «Районные сцены» в театре, в процессе репетиций, обретают черты все большей целостности и завершенности.

Удивительно светлыми людьми населена эта пьеса! Комбайнер Костя и кладовщик Иван Степанович, их жены — Настя и Татьяна, председатель колхоза, старая Секлетинья — все они, кажется, вспоены чистой родниковой водой, вобрали в себя и растворили в себе самую душу народную. Мир их души ясен и прозрачен. Люди эти не просто дружат друг с другом, они живут, как в старину говорили, единым миром. Плохой человек пришелся бы им не ко двору. Все знают они друг о друге и привыкли дове-

ще концов всегда восторжествует, сообщает сценическим образам Кости и Ивана Степановича большую нравственную высоту.

Театр и не предполагал играть премьеру «Районных сцен» весной. Но почему, однако, если спектакль готов, его и не сыграть бы? Да в том-то и дело, что еще не совсем готов. Актеры знают свои роли. Выстроены декорации. Определено пластическое решение спектакля. И все же ему не хватает того последнего мазка, от которого, когда его делает живописец, оживает вся картина...

Вот живут люди одного села. Живут одним миром. Но не замкнуто, не отгорожено от окружающей действительности, а соприкасаясь с ней. И перед этой окружающей действительностью каждый, где бы он ни жил, несет ответ за свои поступки.

...Подрались ребятишки. Поздорили из-за них меж собой матери — Настя и Татьяна. Костя же — он и не собирался драться, буйнить. Просто, выпив в день премии, он хотел мирно поговорить с Иваном Степановичем, уладить раздор женщин. Но час поздний, и соседи не пустили его в дом. И от обиды, не помня себя, Костя колуном размахал у двора Ивана Степановича ворота... Вот и надо отвечать перед людьми, перед обществом за свой поступок...

На обсуждении, состоявшемся после генеральной репетиции, автор говорил, что он как бы хотел напомнить своим героям — чистым, нравственным людям — именно о том, что за каждый свой поступок приходится отвечать... А то ведь едва вызволяется Костя из беды (чуть за решетку не угодил за пьяное буйство), как линейный милиционер задерживает на вокзале Ивана Степановича, вставшего на защиту друга,